

Диалектика несчастья (персоноцентрический анализ рассказа А.П. Чехова «Жена»)

Dialectic of unhappiness (persona-centric analysis of A.P. Chekhov's story «Wife»)

Андреев А.Н.

д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва
e-mail: anandreev58@gmail.ru

Andreyev A.N.

Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of The Department of the pedagogy and psychology of the professional education K.G. Razumovsky MSUTM (FCU), Moscow
e-mail: anandreev58@gmail.ru

Аннотация

Отношения женщины и мужчины рассматриваются в контексте отношений психика – сознание. Модель мироустройства, предложенная Чеховым, диалектична: бесчеловечная твердость принципов главного героя оборачивается беспринципной человечностью. При этом доминирует «разумная» точка зрения, которой придерживается повествователь. Семантическая многоуровневость рассказа интерпретируется как фирменный чеховский художественный стиль.

Ключевые слова: Чехов, рассказ «Жена», любовь, счастье, культурные ценности, психика, сознание, диалектика.

Abstract

Relationships between women and men are considered in the context of relationships "psyche and consciousness". The model of the world order proposed by Chekhov is dialectical: the inhuman firmness of the principles of the protagonist turns into unprincipled humanity. At the same time, the domination is on the side of "rational" point of view which the narrator adheres to. The semantic multi-level story is interpreted as branded Chekhov's artistic style.

Keywords: Chekhov, story «Wife», love, happiness, cultural values, psychics, conscience, dialectic.

Феномен творчества А.П. Чехова заключается в том, что писатель сумел обнаружить и художественно зафиксировать в человеке его высшее нравственно-философское измерение (делающее человека личностью), которое, однако, фатальным образом не открывает человеку путь к счастью, а, напротив, делает его несчастным.

Собственно, в этом и заключена загадка творчества А.П. Чехова.

Попытки художественно проинтерпретировать взаимоотношения психики и сознания, – взаимоотношения, делающие человека либо невероятно сложно организованной личностью, либо примитивным индивидом, – с разной степенью успеха были реализованы в «Жене» (1892) [1] и «Три года» (1895). В первом из рассказов перед нами тот достаточно типичный для Чехова случай, когда герой радикально меняет свои взгляды на жизнь, чтобы тут же

убедиться: оттого, что он стал лучше, ему стало только хуже. Вновь в центре внимания – сама невозможность адекватности божественному состоянию счастливой гармонии, все время какие-то переборы, перегибы и дисбаланс. Кажется, еще чуть-чуть, мелочи какой-то недостает, чтобы общие смыслы заиграли живым светом. Для счастья всегда не хватает какого-нибудь экзистенциального пустячка.

Все это не может не наводить на мысль, что счастье – из категории миражей, оно состава эфемерно-летучего, неверного, обманчивого. Пусть так, в этом нет ничего необычного, об этом говорили и до Чехова не одну тысячу раз. Назвать это фокусами психики – и дело с концом. Но в том-то и суть, что счастье у Чехова категория «идейная», неверное счастье надо заслужить верной службой. Чувства здесь вторичны и второстепенны. И крах счастья – это всегда крах идей, всегда разочарование в идеях, идеалах, в унизительно легковесной идейной «зацепке».

Рассказ «Жена» сделан от первого лица (также излюбленный чеховский прием). Инженер путей сообщения, всю жизнь строивший каменные и железные мосты, Павел Андреич Асорин, честно и непредвзято ставит своей исповедью читателей в тупик. Мы наблюдаем традиционную для Чехова дьявольскую трансформацию правды в неправду, необыкновенную душевную и интеллектуальную чуткость – и все то же желание просто сказать: умная голова, да дураку досталась (или в варианте Ярцева («Три года»): «дурень думкой богатеет. Га-га-га!»). Разоблачение «зацепки» ведет к утрате идеалов, смысла жизни, воли к жизни, бездействию и пессимизму. Деятельность же, отсутствием которой укоряют героя, мелкая, нудная, рутинная (те самые малые дела, приносящие хоть малую, но пользу), настолько несовместима с широтой и глубиной умственных запросов, что просто не может быть достойным ответом на серьезные духовные вопрошания. Это деятельность бездуховная, то есть тот случай, когда лучше ничего не делать, чем делать ничего, когда малое дело хуже большого безделья.

И Асорин честно и обреченно идет по замкнутому кругу (семантическую конструкцию фамилии можно «разобрать» следующим образом: отрицание сора, мусора, пустяков жизни). Деятельность и рефлексия вновь исключают друг друга. Или то – или другое. Бессмысленная деятельность тогда только обретает смысл, когда о нем не думаешь; а если начинаешь думать – перестаешь делать. Честным можно быть в двух случаях: или быть беспросветно глупым (по крайней мере – не рассуждать), или оказаться «обреченным на праздность». Вот это и есть чеховский вариант вечной коллизии психики и сознания: развитое сознание парализует, убивает, делает лишним.

Однако в отличие от Л. Толстого и Достоевского, Чехов не спешит объявлять сознание врагом номер один для всякого культурного человека. Антон Павлович с грустью констатирует, что есть надежда только на сознание; а оно не оправдывает надежд. И это меняет все. Чехов даже не считает нужным обсуждать культурные и мессианские возможности и прерогативы психоидеологии. Он не радуется тому, что разум бессилен. Для него это не означает всеисилие психики. Для него это означает: пока, увы, бессилен...

По большому счету – в высшей степени гуманистическая позиция, позиция трезвая и мужественная. Вот почему Чехов очищает, возвышает и облагораживает. Подспудная, неартикулированная, обреченная надежда на разум куда гуманнее самой лютой веры в никчемность разума.

Певец интеллигенции (а на самом деле ее жесточайший критик: кого люблю, того и бью) вплотную подошел к вожделенной черте, за которой лишние становятся лучшими, но так и не переступил ее. По Чехову очень умным быть как-то неловко, словно ты выскочка или голый король. Как-то уж дерзко и вызывающе. Не скромно. Вообще-то это типичный комплекс интеллигентской неполноценности. Для того, чтобы лишний стал полноценным, не хватило свободы мысли и чувства меры. Интеллигентская неполноценность – это измена чувству меры, ложная скромность, боязнь ответственности. Ведь нормальность лишнего означала бы и нормальность бесполезной деятельности, и полезное ничегонеделание, и

окончательную оторванность от народа (во имя личности). А ведь впереди были революция и Гражданская война. Чехова можно понять. Но надо понять и лишних.

Рациональность инженера, вкупе с его практическим (ужасно нерусским) складом ума, приобрели ему тяжелый характер, который мешал сходить с людьми. Но он сам еще не вполне это понимал. Странную жизнь устроил себе Асорин. Он оставил службу и осуществил свою «заветную мечту»: приехал в деревню, «чтобы жить в покое и заниматься литературой по общественным вопросам». Собственно, он пишет «Историю железных дорог». Деятельность, достойная академика Пржевальского Николая Михайловича (идеал чеховского подвижника-труженика), на худой конец – профессора Николая Степановича (деятельного героя-неудачника из рассказа «Скучная история», 1889).

Обратим внимание: к концу XIX в. у железных дорог в России уже была своя славная история. К этому времени Российская империя пережила грандиозный железнодорожный бум, и инженер путей сообщения Асорин воспринимался, конечно, как человек, сделавший успешную карьеру.

Однако было одно обстоятельство, один пустячок, который мешал сосредоточиться на работе. У Павла Андреича была жена, Наталья Гавриловна, которая занимала нижний этаж дома Асорина. Жена-то была, а вот семьи не было, да и любви как будто бы не было. Впрочем: «Я уверял себя, что любовь давно уже погасла во мне и что работа слишком глубоко захватила меня, чтобы я мог серьезно думать о своих отношениях к жене. Но, увы! – я только думал так». На самом деле в душе происходило «что-то неладное», что-то похожее на любовь к жене, смешанное с чувством вины и запоздалого раскаяния. В деревне Пестрово, рядом с которой расположен был особняк Асорина, было «тихо, неподвижно, безжизненно, скучно!» Отношения с женой были «холодны, бессодержательны и скучны»; в отсутствие жены «было скучно, грустно, бесконечно жаль чего-то, и хотелось, чтобы вопрос, который я и жена не сумели решить, потому что не сошлись характерами, поскорее бы решил сам собою, естественным порядком, то есть поскорее бы эта красивая двадцатисемилетняя женщина состарилась и поскорее бы моя голова стала седой и лысой». А надобно сказать, что Асорину было сорок шесть лет. Жизнь не удалась, потому что вопрос был не решен. В очередной раз мы застаем героя Чехова в тот момент, когда он находится на переходном этапе: на переходе от идейной «зацепки», худо-бедно наделяющей смыслом скучную жизнь, к беспощадной трезвости, отмечающей всякие зацепки.* Собственно, эти моменты в судьбе героев и есть духовные пики, выше которых нет ничего. Дальше – только еще большая печаль, разочарование, скука...

Что же помешало почтенному и интересному человеку с наружностью и осанкой «как у французского президента Карно» счастливо жить с красавицей женой?

Вот мнение на этот счет самой Натальи Гавриловны: «Вы прекрасно образованны и воспитанны, очень честны, справедливы, с правилами, но все это выходит у вас так, что куда бы вы ни вошли, вы всюду вносите какую-то духоту, гнет, что-то в высшей степени оскорбительное, унижительное. У вас честный образ мыслей, и потому вы ненавидите весь мир. Вам дороги интересы народа и России, и потому вы ненавидите народ, так как в каждом подозреваете вора и грабителя. На основании закона и в интересах нравственности вы не даете мне паспорта. Есть такая нравственность и такой закон, чтобы молодая, здоровая, самолюбивая женщина проводила свою жизнь в праздности, в тоске, в постоянном страхе и получала бы за это стол и квартиру от человека, которого она не любит. С таким человеком, как вы, жить невозможно. Нет сил».

Павел Андреич решил перехватить инициативу у Натальи Гавриловны (под предлогом помощи) и самолично организовать «правильную и серьезную помощь голодающим», тому самому народу, который он ненавидел. Разность подходов к этому «общественному

* Изучению переходного характера социально-экономических процессов в рассматриваемый период посвящены недавние исследования ряда российских авторов. В этих работах анализируются отдельные, но довольно существенные аспекты происходивших на рубеже столетий перемен, отмеченных, в частности, в рассказах А.П. Чехова. См.: [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

вопросу» едва ли не окончательно рассорила его с женой. И вдруг Асорин догадывается, что: «весь секрет не в голодающих, а в том, что я не такой человек, как нужно». «Тяжелый человек, эгоист, ненавистник», по словам жены, «гадина», по собственному подозрению. Даже любовь к жене – эгоистична и разрушительна: «несмотря на ее ненависть ко мне, я скучаю по ней, как когда-то в детстве скучал по матери и няне, и чувствую, что теперь, под старость, я люблю ее чище и выше, чем любил прежде, -- и поэтому мне хочется подойти к ней, покрепче наступить ей каблуком на носок, причинить боль и при этом улыбнуться».

И «правильный скиф» Асорин, согласившийся с тем, что он «дурной человек», решил стать другим человеком, уехать в Петербург и освободить свою многострадальную супругу от своего тягостного присутствия. («Natalie, вы хорошая, идейная женщина, -- сказал я, восторженно глядя на жену, -- и все, что вы делаете и говорите, прекрасно и умно».)

А что значит инженеру и рационалисту стать другим человеком?

Это значит сойти с ума, поступать не по уму, а по чувству. Начать «сорить». Он поехал в Петербург, а завернул к давнему приятелю Брагину. «Целый ряд непоследовательных поступков... – думал я, пряча лицо от снега. – Это я сошел с ума. Ну, пускай...» « – Я сошел с ума, кучер пьян... -- думал я. – Хорошо!»

А еще Павел Андреич думал вот о чем: « Из миллионной толпы людей, совершавших народное дело, сама жизнь выбрасывала меня, как ненужного, неумелого, дурного человека. Я помеха, частица народного бедствия, меня победили, выбросили, и я спешу на станцию, чтобы уехать и спрятаться в Петербурге, в отеле на Большой Морской». Он ощущал себя лишним и был таковым.

Итак, Асорин стал другим человеком: «От прежнего самого себя я отшатнулся с ужасом, презираю и стыжусь его. Не гоните меня, Natalie! Сделайте меня вашим слугой, возьмите все мое состояние и раздайте его, кому хотите. Я покоен, Natalie, я доволен... Я покоен...» И Natalie не пришлось долго упрасивать, она все сделала так, как просил ее растерявший твердость муж. Один гибельный путь был заменен на другой. И закипела работа, которую хитроумный доктор Соболев называет «благотворительной оргией». Этот доктор прекрасно отдает себе отчет, что это видимость гуманности, что это «обман себя и больше ничего». Зато совесть перестала грызть инженера Асорина, исчезло томительное чувство беспокойства, наступил странный покой. С Асориным стало «легко». Жена уже извоилит подниматься в смежный этаж, на половину «покойного» мужа, -- «и я вижу, что благодаря ей скоро от нашего состояния не останется ничего и мы будем бедны, но это не волнует меня, и я улыбаюсь ей. Что будет дальше, не знаю».

Павел Андреич – не знает. Но мы-то знаем: малые дела ведут, помимо разорения, к большим идейным проблемам. Собственно, ведут в тупик.

Поставлен своего рода художественный эксперимент, где торжествует принцип диалектического идиотизма. Бесчеловечная твердость принципов обернулась беспринципной человечностью. В диалектической грамоте – это уровень гоголевского Петрушки: полюса мерцают противоположностями, вкрапленными друг в друга, правда становится неотличима от неправды – но развития нет. Это все равно, что читать по складам, не заботясь о смысле. Вишь, мол, как выходит: то правда, а то, приглядишься, будто бы и нет, «лжа» одна. Диалектика в таком варианте – не способ существования правды, а обескураживающее исчезновение правды, чудодейственная подмена неправдой. Вишь ты, как устроен мир...

Как бы то ни было в рассказе побеждает «разумная» точка зрения, на которой твердо стоит повествователь. Рассказчик Асорин, может, и превращается в тряпку – но логика жизни никуда не исчезает. В сущности, робкая вера в разум, в человека выступает формой той самой любви к жизни, о которой обязано заботиться искусство (по Л. Толстому). Кстати, несколько извращенной формой любви к жизни выступает у Чехова страх жизни, наступающий вследствие гносеологического вакуума. Страх жизни – симптом жизни. Это стыдливый вердикт уму-разуму за то, что и сам не живет, и душе жить мешает. Чехов осторожно попенял уму, воспользовавшись самой возможностью предъявить разуму модные претензии, но дальше этого не пошел.

Итак, помимо разума – нет никакой другой подразумеваемой инстанции. Таков духовный космос Чехова.

Литература

1. Рассказ цитируется по изданию: Чехов А.П. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 4, 6, 7. – М., «Правда», 1970.
2. *Андреев А.Н.* Информационная структура личности как категория педагогики//Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 15–19.
3. *Артемяева С.И.* Современный гуманизм: обращение к истокам//В сборнике: Теоретические и методические проблемы современного образования Материалы международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 138–145.
4. *Артемяева С.И., Иванцова Н.Ф.* История России 1900-1917 гг. социально-экономический аспект. Рецензент: доктор исторических наук, профессор Н.С. Модоров, кафедра отечественной истории БиГПИ. Бийск, 2000. – 96 с.
5. *Гладков И.С., Зорина И.Ю.* Развитие российской промышленности в XIX – начале XX веков//Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 5. – С. 72–76.
6. *Гладков И.С., Пилюян М.Г., Граф Е.Ф.* Канкрин: воспоминание о будущем//Международная жизнь. – 2012. – № 13. – С. 148–157.
7. *Гладков И.С., Пилюян М.Г.* История мировой экономики: Научное издание/2-е издание. - М.: ИЕ РАН, Проспект. 2016. – 384 с.
8. *Шатило И.С., Кащенко Т.Л.* Гуманитарная культура как феномен духовности//Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2013. – Т. 2. – № 3 (4). – С. 10–19.